РЕЦЕНЗИИ

С.А. Арутюнов. Рец. на: *Соколова З.П. Этнограф в поле. Западная Сибирь 1950–1980-е годы.* М.: Наука, 2016. 944 с.

Периодизировать любой исторический процесс, выявлять в диффузном потоке явлений и их изменений более или менее дискретные события, их узлы и междоузлия – всегда дело трудное и спорное. Созданная в конце царствования Петра Великого Санкт-Петербургская, а впоследствии Российская академия наук за три века своего существования и развития видела периоды и взлета, и относительного упадка, какие из них в итоге оказались какими, сказать также сложно, как и Алисе определить, какие именно мысли будит в ней поэма, поведенная Шалтаем-Болтаем. Задача эта, в том, что касается XX в., несколько облегчается, как это ни парадоксально, особым и уникально трагичным профилем демографической истории нашего отечества, трижды терявшего значительную часть населения, притом преимущественно его наиболее креативную, элитную (в биологическом смысле слова) и перспективную часть. Один из крупнейших всплесков подобных потерь был связан с Первой мировой войной, Октябрьской революцией, последовавшей за ней Гражданской войной, а также “философскими пароходами” и менее философскими, но не менее пагубными потоками и ручейками разнообразной эмиграции. Следующий всплеск – это сталинский террор, преимущественно, но не только, конца 1930-х годов, и продолжившая его Великая Отечественная война. И, наконец, третий исход – это имеющий место сейчас и пока незатухающий поток ухода “за бугор” наиболее продуктивных сил российского созидательного общества, начавшийся в самом конце прошедшего века и продолжающийся в веке текущем.

Все эти явления, разумеется, коснулись не только интеллектуального потенциала страны. Однако на интеллектуальном ее потенциале и, конкретнее, на ее научной мощи они отразились наиболее неблагоприятным образом. При этом, если первый и третий периоды потерь пусть и обедняли Россию в не измеренных еще количественно масштабах, но несомненно колоссально обогащали другие страны, главным образом, хотя и не только, так наз. Запада, то второй, бывший в меньшей степени исходом, но в основном гекатомбой, сам по себе никому никакой пользы не принес. Другое дело, что его ценой (и почти всецело его ценой) мир был спасен от ужасов фашизма и нацизма.

Можно лишь поражаться неисчерпаемости духовных и интеллектуальных ресурсов народов российского и – шире – евразийского пространства, дважды находивших в себе силы для практически полной компенсации этих чудовищных потерь. Найдутся ли такие силы и в третий раз, это вопрос вопросов, вопрос нашего общего будущего.

Так или иначе, мне представляется, что можно выделить два основных переломных рубежа в развитии отечественной антропологической, да и не только антропологической науки. Первый, от начала до середины 1950-х годов, – время, когда в творческий возраст начала входить молодежь, которой не коснулось истребляющее воздействие войны и репрессий, т.е. люди 1926 и последующих годов рождения. Поколение старших по возрасту мужчин было выбито войной, и возникший демографиче-

Сергей Александрович Арутюнов | <https://orcid.org/0000-0003-0195-3199> | gusaba@iea.ras.ru | д. и. н., чл.-корр. РАН, заведующий отделом народов Кавказа | Институт этнологии и антропологии РАН (Ленинский пр. 32-а, Москва, 119991, Россия)

Этнографическое обозрение. 2018. № 4. С. 185–189. <https://doi.org/10.31857/S086954150000416-7>

© Российская академия наук | © Институт этнологии и антропологии РАН

ISSN 0869-5415 | Индекс 70845 | <http://journal.iea.ras.ru>

ский провал отразился на всех сторонах жизни общества, в т.ч. и на научной. Естественно, девушек война коснулась в меньшей степени, и с этого времени, особенно в гуманитарной сфере, женщины количественно и в какой-то мере и качественно стали доминировать; эта тенденция по ряду причин сохраняется и по сей день.

Второй рубеж, как мне представляется, наша наука и наука вообще переживает именно сейчас, а более определенно говоря – во второй декаде XXI в. В этом, помимо уже упоминавшегося исхода, немалую роль сыграли такие факторы, как общее падение, надеюсь временное, совокупного престижа науки и образования в обществе, экономические затруднения, некоторый идейный разброд, отнюдь не ограничивающийся постсоветским пространством и выражающийся, в частности, в постмодернистском отказе не только от исторического материализма, частным случаем которого является марксизм, но и вообще от любых форм позитивизма, в гипертрофированном развитии трендов мультикультурализма и политкорректности, скороспелом и не всегда продуманном реформаторстве и в целом ряде сопряженных обстоятельств, перечисление которых заняло бы недопустимо много места.

На этом фоне естественной для когорты самого старшего поколения деятелей не только науки, но и духовной культуры вообще выглядит распространенность различных форм мемуаров, стремление подытожить и обобщить многолетний опыт работы в иных, отличных от современных условиях с постановкой отличных от современных целей и задач. Одной из граней такого творчества является обращение ветеранов науки к своим многолетним дневникам и записям, их обработка, осмысление, обобщение и издание. Примеры можно видеть в книге И.В. Власовой “Экспедиционные были. Путевые воспоминания” (2014), в сборнике “Этнография полевой жизни. Воспоминания сотрудников ИЭА РАН” (2015) и др.

Книга З.П. Соколовой “Этнограф в поле...” – самая объемная и, пожалуй, наиболее, на мой взгляд, значимая публикация такого рода.

История начатков и развития языковедческих, этнографических и антропологических исследований по народам Западной Сибири насчитывает уже несколько столетий. На этом поприще подвизались многие выдающиеся авторы как отечественные, так и западноевропейские. Такой интерес обусловлен тем, что большинство этих народов в своем этногенезе (ханты, манси, селькупы, ненцы, энцы, нганасаны) связаны с уральской языковой семьей, с которой связано и происхождение европейских финно-угорских народов (венгров, финнов, эстонцев и др.). Общие сведения об этих исследованиях можно найти в монографии 2005 г. “Народы Западной Сибири. Ханты. Манси. Селькупы. Ненцы. Энцы. Нганасаны. Кеты”. Значительная часть основных разделов в ней написана З.П. Соколовой, она же вместе с И.Н. Гемуевым и В.И. Молодиным является ответственным редактором этого издания.

Книга З.П. Соколовой “Этнограф в поле...” охватывает значительный промежуток времени и касается одного из самых важных ареалов Российской Федерации. З.П. Соколова избрала путь дословной публикации подневных записей своих наблюдений и впечатлений, ограничившись лишь минимальной их редакционной обработкой. В целом эти дневники дают неприукрашенный портрет сибирской глубинки доперестроечного и перестроечного времени. Впрочем, термин “перестроечный” в применении к сельской Западной Сибири и в особенности к районам проживания местного коренного населения следует брать в кавычки, т.к. если исконно великорусские регионы центра Европейской России действительно испытали определенное воздействие происходивших за предшествующее окончательному развалу советской системы (конец 1991 г.) пятилетие перемен (как позитивных, так и негативных), то жизни коренных народов Западной Сибири они коснулись мало. На протяжении всего почти 35-летнего охваченного записями периода (1956–1989 гг.) мы видим в основном одну и ту же картину скудости, убожества и того, что наши западные коллеги назвали бы “тотальным мисменеджментом”, т.е. неготовностью, неумением и нежеланием местной советской и партийной власти проводить какие-либо эффективные мероприятия по экономическому и культурному поднятию уровня жизни коренного населения. Это отнюдь не означает, что вполне искренние и благонамеренные по-

пытки такого рода совсем не делались. Но сколько-нибудь весомых результатов они не приносили.

Конечно, если сравнить фотографические снимки конца XIX – начала XX вв. со снимками 1950–1980-х годов, то мы можем увидеть существенные изменения и в одежде, и в обстановке жилища, а иногда и в самом его характере, и даже в замечаемом невооруженным глазом физическом состоянии местного населения, отражающемся на его облике. При этом следует иметь в виду, разумеется, что чем раньше сделана фотография, тем больше в ней элементов постановочности и, соответственно, меньше ее реальная содержательность. Дневниковые записи этнографа можно назвать своего рода словесными фотографиями и, разумеется, их документальная ценность тем больше, чем непосредственнее и ближе к наблюдаемому факту сделана запись, чем меньше в ней примысленных, разъясняющих, отражающих субъективную точку зрения исследователя компонентов.

Дневники З.П. Соколовой подобны огромному фонду таких фотографий. Зоя Петровна всю свою жизнь – и в перестроечное время, и в постсоветское, и сегодня – была и остается глубоко лояльной и к так наз. советскому строю, и к основным партийным установкам, и к идеям коммунизма и марксизма-ленинизма, искренне считая их принципиально верными и уж во всяком случае несравненно более гуманными, чем тот разгул дикого капитализма, который наблюдался на постсоветском пространстве в годы гайдаровско-ельцинской “либеральной демократии”, мощное послевкусие которого мы постоянно ощущаем и в нашей современной жизни. Но с беспристрастностью фотоаппарата она честно и достоверно фиксировала как все более или менее позитивное, так и то уродливое и безобразное, с чем ей приходилось сталкиваться в глухих углах западносибирской глубинки, а также и не в столь уж провинциальных и даже относительно продвинутых местах и поселениях.

Основным объектом исследований Зои Петровны были обские угры – ханты и манси, в меньшей степени селькупы, эвенки и коми. Доминирующий контент ее ежедневных записей, как следует ожидать от этнографического полевого дневника, составляют описания различных предметов и явлений материальной культуры, наблюдения за религиозными и бытовыми обрядами, обычаями и действиями и другие элементы этнографического описания. Все они сопровождаются соответствующими терминами и названиями на местных языках; к сожалению, за малым исключением этот материал не включен в очень краткий глоссарий, имеющийся в конце книги (с. 913–915), который ограничен в основном более или менее привычной общезападносибирской русской обывденной лексикой. Но термины на местных языках, в большинстве своем хантыйские и мансийские, в изобилии разбросаны по текстам дневников и столь многочисленны, что включение их в глоссарий потребовало бы значительного увеличения и без того чрезвычайно большого объема книги. Помимо глоссария монография включает указатель имен информаторов (с. 916–925) и географический указатель (с. 926–940).

Этнографический материал вносился в дневники согласно определенной логике, но в основном по мере его конкретной фиксации в поле. Много места занимают списки поселений и становищ, хозяйств, семей и их состава, статистические (наличие скота, доходы от разных видов деятельности) и демографические данные, сведения об образовательных и медицинских учреждениях, о снабжении потребительскими товарами и тому подобные, обычные для этнографических полевых дневников, очень часто не входящие по соображениям объема в публикуемые впоследствии статьи и монографии, но становящиеся со временем поистине бесценными, сведения. Из этих же записей мы узнаем о тех проблемах бытового и логистического плана, с которыми сталкивалась З.П. Соколова и ее спутники в экспедициях. Зоя Петровна переносила все трудности стоически, но это было нелегко.

Кроме ежедневных дневниковых записей в книгу вошли и более обобщенные, но столь же конкретные материалы, собранные в подававшиеся практически после каждой экспедиционной поездки докладные записки. Большинство их до 2000-х годов не только никогда не публиковалось (по вполне понятным цензурным соображениям),

но вряд ли даже читалось в тех начальственных кругах, которым они были адресованы. Во всяком случае, каких-либо конкретных мер по исправлению отмечавшихся недостатков и злоупотреблений почти никогда не принималось. Впрочем, с подобным невниманием к тревожным сигналам наших коллег-исследователей во многих других регионах приходится сталкиваться и в наши дни.

Но в еще большей степени, чем бесстрастное отражение происходящего, отдельные вскользь брошенные фразы и зачастую походя сделанные наблюдения объективного и внимательного фиксатора фактов рисуют в целом достаточно неприглядную картину жизни коренного населения тех районов нашей страны, которые на протяжении многих десятилетий были, а отчасти и сейчас остаются основным источником общегосударственных и общенародных ресурсов, прежде всего углеводородов, формирующих основу российского ВВП. Чтобы убедиться в этом, достаточно открыть книгу практически на любой странице. Вот с. 94–95: «Ханты жалуются, что им не продают белую муку, масло, даже когда они едят (“только русским”»). Далее читаем: “Катер райсоюза возит продукты, но не берет рыбу. А катер рыбзавода возит рыбу, но не берет продукты”.

В рамках рыночной экономики такая организация перевозок была бы абсурдной хотя бы в силу своей убыточности, но в советском “плановом хозяйстве” подобные нелепости были не исключением, а скорее правилом. Так, по моим данным, в том самом 1957 г., да и позже в Охотском море промысел нерпы вели две шхуны, принадлежавшие двум подразделениям одного ведомства. Одна снабжала мясом нерпы местные звероводческие фермы и, будучи вовсе незаинтересованной в шкурах, их просто-напросто выбрасывала. Другая же, напротив, имела своей задачей именно заготовку шкур для нужд местных мастерских по пошиву традиционной промысловой одежды и обуви. В этом случае как раз сдавались добытые шкуры, а туши выбрасывались.

Через 30 с лишним лет наступил окончательный развал советской экономической системы, и удивительно не то, что он наступил, а то, что такие порядки 30 лет еще просуществовали. Вряд ли можно подсчитать экономические потери, вызванные подобной бесхозностью, хотя бы по одному советскому Северу, но в записях З.П. Соколовой на этой же странице об одном маленьком хантейском поселке сказано: “В Асесе в прошлом году сгноили (не вывезли вовремя) 7 тонн рыбы, в 1955 г. — 35 тонн”. А вот даже не дневниковая запись, а строчки из докладной записки за 1962 г.: “Быт сезонного населения еще менее благоустроен, чем в поселках. И взрослые, и дети спят на земле, подстилая немногочисленные шкуры. Грязь, антисанитария (по несколько месяцев не моются в бане), вшивость характеризуют быт хантов на промыслах” (с. 345). На следующей странице читаем: “Высказываются мнения, что национальная культура хантов отсталая, что она развиваться не будет, надо бороться со всеми ее проявлениями (речь идет не только о вредных пережитках — религиозных и пр., например, закрывание женщинами лица платком, но, оказывается, надо бороться с национальной одеждой!). Приходится сталкиваться с проявлениями великорусского шовинизма, с ничем не прикрытым подчас желанием скорее русифицировать коренное население” (с. 346).

Не у каждого даже самого профессионально успешного и продвинутого этнографа устанавливаются особо доверительные и длительные дружеские отношения со своими ведущими информаторами. Однако некоторым, как правило, принадлежащим к старшим возрастным когортам особо опытным полевикам, имеющим опыт углубленной работы в определенном регионе и посещающим его многократно, иногда удается встретить информатора, значительно превосходящего по своим знаниям и интеллектуальному уровню средние показатели. Такими информаторами были, например, для Д.А. Сергеева скренинский эскимос Панаугье и науканский эскимос Емрон, для Н.Л. Жуковской — тункинский бурят С.Д. Холбоев и др. Это выдающиеся люди, как правило, занимавшие статусные позиции в своих родных селениях и пользующиеся непререкаемым авторитетом среди одноплеменников. Есть даже определенные народные термины для таких людей: яп. *моносири* (дело знающий), армян. *осог-хосог* (скажущий-говорящий) и т.д. Это не обязательно вожди и старейшины, но чаще вы-

дающиеся охотники; у эскимосов это *аньялики* (байдарные капитаны) и *нуналихтаки* (хозяева земли, т.е. хранители преданий и традиций), нередко особо сильные шаманы (но не шаманки!) и тому подобные лица. В моей специально посвященной этой теме статье 2002 г. “Судьбы малых народов в III тысячелетии христианской веры” я назвал их *централами*, противопоставив сельским *маргиналам*. Для А.С. Пушкина, бывшего основоположником изучения народных пластов русской словесности, такими опорными носителями источникового знания являлись, по его собственному признанию, московские просвирищицы. Для З.П. Соколовой такой неординарной личностью, мощным носителем разнообразной народной традиции был ляпинский манси из с. Ломбовож Петр Ефимович Шешкин, как сама она определит его в указателе имен – поэт, музыкант, скульптор. Помимо многих страниц, посвященных ему и полученным от него сведениям, книга Зои Петровны включает и многочисленные его рисунки, а также письма 1967–1974 гг. (с. 531–540). Петр Ефимович имел лишь незаконченное среднее образование и русским языком в совершенстве не владел. В его письмах постоянно встречаются грамматические и орфографические ошибки и следы языковой интерференции, но, вчитываясь в рассуждения П.Е. Шешкина, понимаешь, что он был разносторонне одаренным человеком, глубоким знатоком родной культуры, незаурядной творческой личностью. Некоторые его произведения попали в коллекции различных музеев, а свое музыкальное и поэтическое творчество он представлял на различных художественных слетах областного уровня. Тем не менее ясно, что его способности были недооценены, ему не оказывалось той помощи и внимания, которых он заслуживал, и он бы мог сделать для развития мансийской национальной культуры гораздо больше, чем ему в действительности удалось. Но местные советские и партийные власти, как правило, считали задачи развития культуры малых народов делом неприоритетным, а то и вовсе пустым и бесперспективным.

Перу З.П. Соколовой принадлежит более 300 научных и научно-популярных работ, в их числе полтора десятка книг монографического характера. “Этнограф в поле...” – самая крупная из них и самая поздняя по дате публикации, но она не увеличивает эту мощную громаду здания знания, построенную З.П. Соколовой, а наоборот открывает вид на ее фактологический фундамент.

Book Review

Arutyunov, S.A. Review of *Etnograf v pole. Zapadnaia Sibir' 1950–1980-e gody* [Ethnographer in the Field: Western Siberia, 1950–80s], by Z.P. Sokolova. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2018, no. 4, pp. 185–189. <https://doi.org/10.31857/S086954150000416-7> ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology

Sergey A. Arutyunov | <https://orcid.org/0000-0003-0195-3199> | gusaba@iea.ras.ru | Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (32a Leninsky prospekt, Moscow, 119991, Russia)